

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

*National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia
Associate Professor of Humanities, Ph.D.**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия
Социально-гуманитарный факультет
Доцент кафедры гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук
afsnik@gmail.com***ЛУДДИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ. ПЕРМСКИЙ КЕЙС**

Луддиты – это исторический термин, описывающий типаж ремесленника, утратившего свой цеховой статус, экономическую самостоятельность и позиции в процессе промышленного переворота. Пермский кейс позволяет применить данный термин к ситуации внедрения массовых культурных индустрий в современный город.

В современном обществе галерея представляет собой специализированную фабрику по производству искусства. Она организует художественную активность людей искусства, вырабатывает правила различения предметов искусства, создает центр притяжения для художников, их агентов и продюсеров. Схожие функции выполняют современные театры, музеи, книжные ярмарки и выставочные центры.

В работе представлен анализ практик сопротивления, которыми местное отделение Союза художников России, отдельные литераторы и журналисты встретили проект развития в г. Перми музея современного искусства PERMM и программу поддержки культурных индустрий. Показано рождение из публичной перепалки в прессе идеологии сопротивления культурному вторжению. Стержнем идеологии сопротивления стала идея конструирования локальной территориальной идентичности, духовной самобытности и хранения традиций горнозаводской цивилизации (А. Иванов). Это позволило представить противостояние как конфликт космополитов, коммерсантов от искусства и хранителей народных традиций.

Причина поражения культуртрегеров – неспособность мобилизовать горожан. Отведя им

роль зрителей, власть и инициаторы культурных преобразований превратили их в толпу зевак без собственной социальной позиции. В результате поражения «Пермского культурного проекта» луддиты смогли торжествовать победу (в отличие от своих английских предшественников), а креативные индустрии оказались скомпрометированы.

Ключевые слова: культурные индустрии, сопротивление, инновации, луддиты, городская культура.

81

LUDDITES IN MODERN CULTURAL INDUSTRY. PERM CASE

Luddites is a historical term used to describe a type of artisan, lost their guild status, economic independence and position in the course of the industrial revolution. Perm case allows us to apply the term to a situation of mass introduction of cultural industries in the modern city.

In modern society, Gallery is a specialized factory for the production of art. It organizes artistic activity of people of art, develops rules for distinguishing art, creates a center of attraction for artists, their agents and producers. Similar functions are performed by modern theaters, museums, book fairs and exhibition centers.

The paper presents an analysis of resistance practices that the local branch of the Union of Artists of Russia, some writers and journalists met with the development of the project in the Perm Museum of Modern Art PERMM and support program for cultural

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

industries. Displaying the birth of public skirmishes in the press, the ideology of resistance to cultural invasion. The core of the resistance ideology was the idea of the construction of the local territorial identity, spiritual identity and traditions of the mining civilization storage (Ivanov). This allowed the opposition to present a cosmopolitan conflict, businessmen and the keepers of folk traditions.

The reason for the defeat of bearers is a disability to mobilize citizens. Relegating them to the role

of spectators, and the power of the initiators of the cultural changes turned them into the crowd of onlookers in no one's own social position. As a result of the defeat of "Perm cultural project" Luddites were able to celebrate a victory (in contrast to their British predecessors), and creative industries were compromised.

Key words: cultural industries, resistance, innovation, Luddites, urban culture.

Луддиты – это исторический термин, описывающий типаж ремесленника, утратившего свой цеховой статус, относительную экономическую самостоятельность и престижные позиции в городском сообществе. В истории становления индустриального общества они стали одной из жертв промышленной революции. Крупное промышленное производство опиралось на фабрику, где организация работы позволяла выпускать продукции больше и дешевле, чем при кустарном или цеховом производстве. Фабрика вытесняла частную мастерскую, превращала ее в нежизнеспособный институт, социальный атавизм на фоне бурно развивающегося рыночного (капиталистического) производства¹. Десятки, сотни людей, выполнявшие частичные функции по формализованным правилам, вытолкнули на обочину социально-экономической жизни ремесленника, привыкшего производить одно изделие от начала до конца. История луддитов, как правило, пишется в контексте британского опыта промышленного переворота XVIII-XIX веков.

В современной ситуации наблюдается возможность адаптировать этот исторический термин к новым условиям. Речь идет о ситуациях, которые можно наблюдать в сфере культурных индустрий.

Рост благосостояния российских горожан в начале XXI века сделал возможным повторение ситуации, названной Ортегой-и-Гассетом восстанием масс. Речь идет о доступности благ, ранее обладавших престижным, элитарным статусом. Современные горожане, как и их предшественники, приняли в качестве жизненного ориентира стандарты более престижных социальных групп. В качестве таковых выступили герои фильмов, сериалов – т.е. заимствованные из медиареальности образы. К концу первого десятилетия XXI века собственной элитарной культуры в России еще не сформировалось.

Обращаясь к пермскому кейсу, можно увидеть, каким образом коммерчески организованные, рыночные по своей природе институты, производящие и продающие современное искусство, оказались втянуты в конфликт с местным творческим сообществом, защищающим право на воспроизводство культурной индустрии традиционного образца. В современном обществе галерея представляет собой специализированную фабрику по производству искусства. Она организует художественную активность людей искусства, вырабатывает правила различения предметов искусства, создает центр притяжения для художников, их агентов и продюсеров. Схожие функции выполняют современные театры, музеи, книжные ярмарки и выставочные центры.

¹ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М. 1997. С. 436-486.

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

Изменения в жизни культурных институтов ставят в положение луддитов писателей, художников и музыкантов, работающих в рамках традиционных профессиональных союзов. Конфликт между Пермским отделением Союза художников России и музеем современного искусства PERMM в 2009 году положил начало длительной кампании сопротивления интеграции новых медиа институций в социальную и экономическую жизнь индустриального города.

В 2008 году в Перми был запущен проект преобразования городского пространства, получивший наименование «Пермь – культурная столица». Инициатором по реализации обновления культурной жизни в городе выступила власть. Тандем государственного чиновника (губернатора) и галериста стал символом новой расстановки сил в культурном пространстве. В роли луддитов оказались местные художники, принадлежащее к областному отделению Союза художников России, отдельные литераторы и принявшие их культурную позицию журналисты пермской прессы.

Креативные индустрии должны были стать основой «Пермского культурного проекта». Первоочередной задачей инициаторы культурных преобразований считали работу с имиджем территории. Идеология ребрендинга территории воплотилась в серии культурных проектов, преимущественно городского и регионального масштаба. Приоритеты культурной политики лаконично сформулировал министр культуры Пермского края Б. Мильграм: «Мы занимаемся какими-то красивыми театрами и музеями, а город у нас при этом некрасивый ... Надо, чтобы город стал красивым, а в нем уже существовали театры и музеи»².

Финансируемые краевой властью арт-объекты, фестивали и новые институции, работающие с сегментом современного искусства, должны были кардинально изменить жизнь перм-

ского обывателя. М. Гельман позднее вспоминал: «в Перми у нас был замечательный мастер-план, который разработал очень хороший специалист. Единственная проблема с этим планом была в том, что на его реализацию ушло бы в лучшем случае двадцать лет. Поэтому мы решили расставить в городе уникальные арт-объекты и тем самым ускорили процесс формирования имиджа Перми. Конечно, арт-объекты не могут стать полноценной заменой всему тому, что было предусмотрено в мастер-плане, но создание благоприятной для жизни обстановки займет не десятки лет, а гораздо меньше»³.

Арт-объекты, установленные на улицах города, многочисленные фестивали, проводившиеся в краевом центре и на территориях региона, позволяли министерству культуры и массовых коммуникаций регулярно создавать информационные поводы для работников прессы. Эффективность работы с целевой аудиторией оценивалась по активности журналистов, освещавших указанные мероприятия. Действия и поступки ключевых фигур – организаторов проекта в регионе и за его пределами, в традиционных СМИ и виртуальном пространстве – составляли неотъемлемую часть новой политики ребрендинга. В отчетах исследовательской службы проекта «Пермь – культурная столица», отмечалось: «... роль основного ньюсмейкера Пермского культурного проекта для федеральной прессы и соседних регионов выполняет Марат Гельман. ... Он отметился поездкой в Ижевск, вновь актуализируя идею “Культурного альянса”. Это позволило Ленте.ру поместить небольшую заметку об ижевских событиях»⁴.

Мнения исследователей, оценивавшей имидж-эффекты пермского проекта, разнятся. Не-

² Мильграм Б. Пермь должна стать красивым городом // Новый компаньон. 4 июля 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-141407.html> (дата обращения 25.02.2017)

³ Гельман М. Современное искусство превращает города в бренды. 15.10.13. // Сноб. [Электронный ресурс] URL: <https://snob.ru/selected/entry/66526> (дата обращения 25.02.2017)

⁴ Аналитическая записка «Культурная политика Пермского края в средствах массовой информации 18-24 июля 2011 года». // Личный архив автора. 2011 год.

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

которые из них склонны позитивно оценивать политику ребрендинга, отмечая, что для краевого центра это принесло определенные результаты: «Город появился на карте не в физическом, конечно, в символическом смысле»⁵. Экономисты, оценивающие эффекты в иных категориальных единицах, склонны скептически относиться к успехам в сфере ребрендинга: «На данный момент, с сожалением, можно сделать вывод, что работа прогрессоров не дала существенного прироста базовых показателей – ни экономических, ни эмоциональных. Четверть от всей молодежи, которая считает Пермь современным динамичным городом — это не очень высокий показатель. Эта группа — одна из тех, на которую проект был рассчитан, и эта молодежь формировала свои взгляды на жизнь в период проекта»⁶

Впрочем, для нашего анализа ключевой выступает иная проблема. Замысел организаторов был заметно шире серии PR-акций. Сверхцель новой культурной политики в Пермском регионе сформулировал М. Гельман: «Творческий человек сегодня формирует экономику. Наша задача доказать власти, что инвестировать в культуру—это не отдать деньги, а вложить»⁷. Культурный проект должен был изменить пермяков, сделать их инициативными и творческими людьми, способными работать по-новому.

Методы региональной власти были заполнены перфомансом. Плакаты социальной рекламы проекта «Пермь меняется – меняйся и ты. Мы – культурная столица» сообщали горожанам, что в

городе нельзя мусорить, нельзя быть агрессивным по отношению к окружающим, некультурно употреблять алкоголь и превращать город в отхожее место. Узнав, на что потрачены бюджетные средства, местные журналисты иронизировали по поводу очередной просветительской инициативы властей: «Горожан доходчиво приучают к мысли о том, что они живут в "культурной столице". Улицы Перми заполонила новая социальная реклама. Четыре плакатных сюжета напоминают местным дикарям о базовых правилах поведения». Власти отвечали: «Это не назидание, а просто послы. В Европе подобных акций, направленных на то, чтобы люди берегли то, что вокруг них, очень много. Это нормально и для более продвинутых городов, чем Пермь. Нашей задачей было с помощью простого и понятного сюжета инициировать начало диалога в обществе»⁸.

По грандиозности замысла, масштабу целей и задач данный проект вполне сравним с большевистскими практиками создания советского рабочего класса и промышленных центров в 1930-х годах. По меткому замечанию Е. Добренко, «культура всегда производит замены, она всегда еще и фабрика грез (одна из важнейших социальных функций искусства). .... Специфика советской культуры в том, что замене подлежит здесь и сейчас протекающее настоящее»⁹. Пермские культуртрегеры, как и их далекие предшественники, стремились заменить людей, учреждения, городскую жизнь на иной – прожективный – образец прямо «здесь и сейчас». За несколько лет регион должен был стать образцовым «бизнес-кластером», демонстрирующим потенциал инновационной экономики европейского образца.

Сомнительно, чтобы авторы реализации новой культурной политики стремились перевос-

⁵ Игнатъева О., Лысенко О. Культурная политика и стратегия конструирования имиджа территории // Лабиринт. №1. 2015. С. 11.

⁶ Андреева О. Пермский культурный проект: первые результаты деятельности прогрессоров. // Город как вызов. Город как вызов: сб. статей междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–17 мая 2014 г.) / под общ. ред. О.В. Игнатъевой; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2014. С.118.

⁷ Гельман М. Пермь перестали пугать с Пензой. 17.09.2010 // Jewish.ru [Электронный ресурс] URL: <http://www.jewish.ru/culture/press/2010/09/news994289121.php> (дата обращения 25.02.2017)

⁸ Романова А. Пермь, не ссы! // Новый компаньон. 12.04.2011. [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-437552.html> (дата обращения 25.02.2017)

⁹ Добренко Е. Политэкономика соцреализма М. Новое литературное обозрение. 2007. С. 39.

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

питать социализированных жителей города, сохранивших память о стабильной работе на советских предприятиях. Объектом их культурного воспитания и просвещения стало молодое поколение. Для выпускников школ с высокими баллами ЕГЭ была введена система стипендиальной поддержки в местных вузах. Для молодежи, только-только выстраивавшей карьеру, создавались новые досуговые площадки, на которых почти круглый год проходили фестивали и другие бесплатные мероприятия. Ограниченные ресурсы вынудили локализовать активность властей пределами краевого центра, причем преимущественно пределами нескольких центральных улиц и площадей.

В просветительской работе властям пришлось столкнуться с несколькими трудностями. Их инициативы встретили открытое, временами порождавшее политические акции сопротивление части пермской творческой интеллигенции. Предложенный проект культурных преобразований лишил статуса прежние городские учреждения культуры, а с ними и объединенных Минкультом художников, театралов и литераторов. Для некоторых из них, привыкших полагаться на поддержку властей, в том числе финансовую и организационную, такое развитие событий оказалось обескураживающим.

Конфликт разгорелся весной 2009 года вокруг поездки пермских художников на выставку «Большая Волга в Москве». В выставке должна была принять участие большая делегация из Приволжского федерального округа. Худсовет пермского отделения Союза художников России отобрал 60 картин для участия в выставке. По мнению Б. Мильграма и М. Гельмана, представленные картины были недостойны представлять пермский регион в столичных вернисажах. К тому времени в Перми успешно прошла выставка современного искусства «Русское бедное». Проект был осуществлен при поддержке сенатора Федерального собрания РФ Сергея Гордеева и подтолкнул местные власти к созданию в Перми музея современного искусства PERMM.

Конфликт Б. Мильграма и М. Гельмана с художниками быстро переместился в публичное пространство. Пермские художники написали открытое письмо губернатору. Министерство выступило с отповедью в стиле, мол, кто финансирует поездку, тот и решает, кому представлять регион в столице. Спустя полгода председатель пермской областной организации союза художников России называл конфликт с Минкультом не иначе как войной: «... война, видимо эта кончится только после того, как снимут министра культуры, который никак не хочет понять, что ведет неправильную политику в области изобразительного искусства»¹⁰.

В конфликт спонтанно вовлекались все больше и больше участников. Минкульт стали подвергать критике как за отдельные решения, так и за общее направление политики – подражание столичным и европейским образцам организации культурной жизни. Писатель Алексей Иванов в интервью предъявил собственное видение активности министерства культуры: «Пермская власть совершенно справедливо желает сделать Пермь современной в культурном отношении, но делает это самым простым способом. Покупает в Москве коллекции актуального искусства московского галериста Марата Гельмана и перевозит их в Пермь вместе с Гельманом. ... Почему все отдается москвичам, а местным — ничего?»¹¹

Для М. Гельмана такие высказывания были лишь выражением личных амбиций провинциального писателя: «Насколько я понимаю, Иванов ничего не возглавляет и выступает от собственного имени. Ему не нравится современное искусство, не нравлюсь я, новый министр культуры, и не нравится, что в Перми появились какие-то масштабные творческие силы, кроме него»¹².

¹⁰ Эхо Москвы в Перми. 14.10.2009 [Электронный ресурс] URL: <http://echoperm.ru/interview/299/83216/> (дата обращения 25.02.2017)

¹¹ "Русский портрет": Марат Гельман против Алексея Иванова (19.07.09) [Электронный ресурс] URL: [http://rupo.ru/m/1743/marat_\(дата обращения 25.02.2017\)](http://rupo.ru/m/1743/marat_(дата обращения 25.02.2017))

¹² Там же.

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

Следующий шаг в противостоянии сделал председатель Пермской гражданской палаты И. Аверкиев. Он выступил с пространной разоблачительной статьей по вопросам местной культурной политики. Поводом стала презентация краевыми властями на Пермском экономическом форуме (сентябрь 2009 г.) проекта преобразований «Пермь – культурная столица». Он потребовал изгнания из Перми «революционеров», сам проект назвал «фиктивным», обвинил инициаторов в пристрастном распоряжении бюджетными средствами¹³. Аверкиева тут же поддержал Алексей Иванов¹⁴. М. Гельман в ответе попытался вывести дискуссию из публичного пространства, переведя разговор на межличностные обиды¹⁵. Тем не менее, к осени 2009 года научная общественность вынуждена была констатировать, что конфликт перешел в стадию радикального противостояния: «Меня, кроме всего прочего, удивила риторика статьи, поигрывание мускулами. Это риторика войны и конфликта»¹⁶.

Родившись из спора об участии местных художников в ведомственной выставке, конфликт по вопросам целей и методов реализации программы культурных преобразований в Перми к концу 2009 года превратился в настоящую информационную войну. Для ряда местных творческих сообществ, общественно-политических активистов деятельность властей, направленная на приоритетное финансирование Музея современного искусства, риторика Б. Мильграма и М. Гельмана об отсталости провинциальных вкусов в сфере искусства, оказались сильнейшим раздражителем и поводом высказаться в резких, ультимативных формулировках. К 2011 году лексика при помощи которой наи-

более радикально настроенные оппоненты описывали деятельность властей в сфере культуры, приобрела площадной характер: «... Пермьяки, сами того не желая, дали художественный отпор "демократическому психозу", "психологическому коматозу" и прочим извращениям современного искусства, которыми Гельман и его апологеты пытаются не только сгубить ауру бывшего Речного вокзала, но и зомбировать сознание жителей города. Наш ответ целующимся милиционерам, экскрементам из пластилина и пипифаксу как арт-объекту – старая, добрая, позитивная классика!»¹⁷.

В информационном противостоянии культуртрегеров и местных сообществ язык конфликта, насыщенный словами из низовой культуры, грубый и жесткий, приобрел характер политического памфлета, с которым современные луддиты обращались к публике за поддержкой. В ожесточенной полемике им удалось выработать собственную идеологию. Перьями двух литераторов, А. Иванова и И. Аверкиева их противники обрели образ варягов и актуальщиков, чье вторжение нарушает сложившуюся гармонию социальной жизни, годами и десятилетиями формировавшегося союза художественной интеллигенции и горожан.

От бюрократического спора о том, кто поедет на выставку и какие картины повезет, до этапа публичных апелляций к идеологии войны прошло меньше года. Столь скорый процесс трансформации суждений и оценок сложно объяснить лишь борьбой за финансовый ресурс. Непримируемость позиций критиков, демонстрирует, что их мало заботили экономические параметры сотрудничества с властями. Деньги и перераспределение финансовых потоков – лишь один из локусов этого социального столкновения. Парадоксом в пермской ситуации выглядит то, что война была объявлена официальным лицам, представлявших в тот момент государственный аппарат, наделенный правом принимать решения о приоритетах региональ-

¹³ Аверкиев И. Пермский культурный пузырь. [Электронный ресурс] URL:

<http://old.pgpalata.ru/reaction/0022>(дата обращения 25.02.2017)

¹⁴ «И. Аверкиев очень точно описал то, что все знают, но ... молчат»// Новый компаньон. 3.11.2009 [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-409354.html>(дата обращения 25.02.2017)

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кошкина К. На лицо свирепые, добрые внутри! // Капитал-Weekly. 02.03.2011

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

ной политики, как в сфере культуры, так и в других областях хозяйственной жизни.

Страсти и чувства, к которым апеллировали критики Минкультуры, позволяли им монополизировать право представлять горожан. В этой парадигме, восходящей к идеям Ж.Ж. Руссо, где чувства и эмоции символизируют народ, действия властей, поступательно продолжавших развивать программы массовых культурных развлечений и обосновывать их европоцентристской риторикой, выглядели политическим отчуждением от «воли народа». Идеология народного представительства, которую использовали наши луддиты, позволила им апеллировать к высшей справедливости, переведя конфликт в разряд политической манифестации.

Критикуя культуртрегеров, их противники одновременно стали активно подчеркивать значение пермских традиций, пермской жизни и соответствующего ей духовного и культурного ареала. Идея преемственности местной культуры от литературного симулякра – горнозаводской цивилизации (А. Иванов), сыграла роль субститута национального воображения, сопровождавшего конструирование коллективных социальных идентичностей в XIX веке.

Убежденность в своей правоте, вера в новообретенные ценности борцов против варягов была настолько велика, что поиск пермской культурной идентичности захватил даже некоторых ученых. В научных журналах, на конференциях обсуждались перспективы обретения пермяками новой самости и ее влияния на экономическую и политическую жизнь в крае¹⁸. Следует заметить, что дискуссии о пермской идентичности, о самобытности пермской культуры не утихали несколько лет спустя после завершения в 2012 году «Пермского культурного проекта».

¹⁸ Фадеева Л.А. Глава 3. «Прошлое» в политике идентичности и проблема коллективной памяти // Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В.Панова, К.А.Сулимова, Л.А.Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012. С. 35–56.

В политическом противостоянии пермские луддиты добились того, что образ коммерсантов от искусства, фабрикантов и заводчиков, если использовать язык социал-демократов к XIX–XX веку, тесно слился с персонами М. Гельмана, директора музея Современного искусства PERMM, министрами культуры – Б. Мильграма и сменившего его Н. Новичкова – и других активных участников программы преобразований, выступавших на стороне власти. Даже сейчас, спустя пять лет после завершения культурного проекта, человек, решившийся публично выступить на тему продвижения современного искусства и развития рыночно ориентированных институтов, принадлежащих к сегменту креативных индустрий, рискует услышать обвинения в космополитизме, безыдейности, неспособности ценить родное культурное наследие, и пополнить когорту лиц, стремившихся в 2008–2012 гг., по мнению луддитов, уничтожить местную цивилизацию и лишить молодежь духовности и нравственности.

Именно такой образ культуртрегеров осел в коллективной памяти горожан благодаря многочисленным разоблачительным и обличительным материалам, опубликованным в местной прессе. Местные эксперты иногда лукавят, скрывая за хитросплетением слов фундаментализм и традиционализм суждений, бытующий в общественном сознании: «Оценки экспертов зачастую нелогичны, противоречивы, выделить из них единую линию бывает сложно, но именно эта сложность позволяет вскрывать диспозитивы, стоящие за производимыми ими дискурсами»¹⁹. Прячась за политкорректными фразами, эксперты не желают говорить на эти болезненные темы языком четких категорий. Они, как и другие вовлеченные в конфликт люди и сообщества, понимают, что закрытие культурного

¹⁹ Лысенко О. В. Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологических исследований). Статья первая. //Неприкосновенный запас. №105. (1/2016). [Электронный ресурс] URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6957> (дата обращения 25.02.2017)

Андрей Николаевич КАБАЦКОВ / Andrey Nikolaevich KABATSKOV

| Луддиты в современной культурной индустрии. Пермский кейс / Luddites in Modern Cultural Industry. Perm Case |

проекта было пирровой победой местных охранителей.

Действительно, в отличие от английских луддитов, пермские художественные луддиты одержали победу. Их противники не смогли мобилизовать массовые группы поддержки. В горожанам они видели лишь зрителей. И обращались с ними как со зрителями и слушателями. Как с зеваками, не способными к объединению, выражению собственного мнения, защите собственных позиций. Новая реальность была представлена горожанам в виде спектакля, которому можно было аплодировать или критиковать, приветствовать любимых актеров или проклинать их за неудачно сыгранную роль, но делать это надо было на дистанции. Создав социальную дистанцию между программой культурных преобразований и местными потребителями художественных благ, представленными в виде арт-объектов, фестивалей, театральных премьер, власть изолировала горожан от проекта преобразования городского пространства. Город, как метко отметил В. Вахштайн, во время таких преобразований превращается в большую

сцену, на которой разыгрывается пьеса с непонятным для большинства наименованием «хипстерский урбанизм»²⁰.

В результате завершения «Пермского культурного проекта» в 2012 году вместе с отставкой губернатора О. Чиркунова, луддиты могли торжествовать полную победу, а креативные индустрии оказались отброшены назад, на десятилетия в прошлое. Рыночное поле культуры – поле на котором не только зарабатывают деньги и производят художественные продукты, но и решают социальные конфликты, согласуют интересы различных социальных групп, хотя бы в виде симулякров и культурных инсценировок, оказалось ограниченной перформансами разыгрываемыми по традиционным канонам, в виде оригинальных аранжировок классических опер и драм. Наиболее активные дискуссии в современной Перми ведутся сейчас о проблемах строительства новой сцены для местного театра оперы и балета, где элитарные постановки Т. Курензиса вряд ли могут заменить целостный проект развития креативных индустрий в современном мегаполисе.

²⁰ Вахштайн В. Если город превращается в витрину, то скоро в нее полетят камни. // Русская служба BBC. 14.07.2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/russian/features-36786791> (дата обращения 25.02.2017)

